

«Я поверил, что сердце –
Глубокий колодец свободы.
А в глубоких колодцах
Вода тяжела и темна...
Я готов дожидаться,
Мучительно плещутся воды,
Я бадью опускаю
до самого черного дна!»

(Ю. Домбровский, 1929-1930)

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ
1909 - 1978

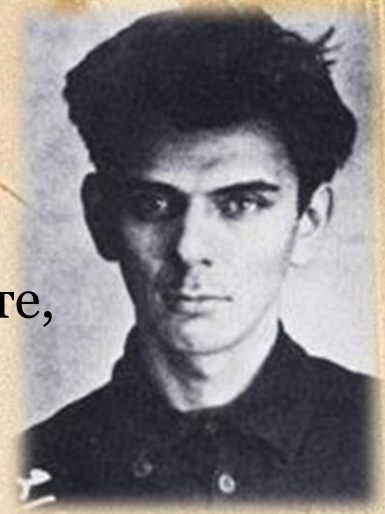
«Домбровский — один из самых сильных прозаиков XX века. «Факультет ненужных вещей» печатался во время перестройки одновременно с «Жизнью и судьбой» Гроссмана, «Доктором Живаго» Пастернака, «Колымскими рассказами» Шаламова — и не только не терялся на этом фоне, но во многих отношениях выигрывал. Стихи Домбровского, немногочисленные — общим числом до полусотни — и крайне редко издаваемые, заставляют говорить о нем как об оригинальнейшем поэте, сочетающем балладный нарратив с отважным метафорическим мышлением (обычно уж одно из двух: либо человек умеет рассказывать истории, либо у него все в порядке с образностью). Публицистика его, филологические изыскания и рецензии написаны увлекательно и уважительно, что опять-таки в нашей традиции почти несочетаемо. При этом он был силач, женолоб и алкоголик, человек большой доброжелательности и внутренней свободы. В общем, у него как-то все очень хорошо. Я назвал бы его — наряду с еще двумя-тремя авторами — своим идеалом писателя и человека.»

Дмитрий Быков

Юрий Осипович Домбровский — прозаик, поэт, переводчик — родился в Москве 29 апреля (12 мая) 1909 года.

Отец — присяжный поверенный, мать — ученый-биолог Домбровская-Слудская.

После окончания 7-летней школы в 1926 Домбровский учился в Высшем Литературно-художественном институте, организованном В.Я. Брюсовым, затем — на театроведческом факультете Центрального техникума театрального искусства; с 1931 — в учебно-театральном комбинате, преобразованном позднее в ГИТИС.

Впервые Домбровского арестовали в 1932 году. Обвинили его в полнейшей чепухе — какое-то знамя, оказавшееся под его койкой в студенческом общежитии, — но главное: этот молодой человек не соответствовал тем требованиям, которые эпоха предъявляла к «человеческому материалу». Он был слишком интеллигентным, независимым, любознательным и не верил тому, что энергично провозглашалось с трибун и газетных страниц.

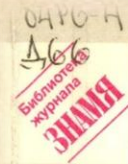
В 1933 был выслан на 3 года из Москвы в Алма-Ату. Несколько лет работал учителем литературы в школе.

Затем следуют аресты: в 1936 – первый, когда брали через одного. Он 7 месяцев проводит в следственном изоляторе. Историю этого ареста писатель положил в основу сюжета романа «Хранитель древностей». В 1939 – второй: Домбровский был арестован, как подозрительный элемент и отправлен в лагерь на Колыму, где находился до 1943.

Он вернулся истощенным и еле живым, по существу, инвалидом. Зимой 1943-го в больнице начал писать роман «Обезьяна приходит за своим черепом», который был опубликован только в 1959 году.

«Я начал писать роман осенью сорок третьего года, лежа на больничной койке... Спасаясь от собственного бессилия и тоски, - я по койке не мог передвигаться, а только ерзать, - я и писал свой роман».

Жил в Алма-Ате. Писал статьи и книги, занимался переводами. В 1946-1947 годах преподавал в студии при Русском театре им. Лермонтова.

Юрий Домбровский

*Обезьяна
приходит
за своим
черепом*

И тут грянула кампания по борьбе против космополитов. Домбровский оказался среди первых жертв.

16 марта 1949 года в «Казахстанской правде» появилась публикация «Буржуазный космополит на университетской кафедре». И – ату его!

В ночь на 30 марта 1949г. за Домбровским пришли. Он сидел за письменным столом. Дверь была, как обычно, открыта. Увидев незваных гостей, писатель закричал: «Не мешайте работать!». И запустил в них чернильницей. Его молча скрутили. На Домбровского «навесили» много обвинений, но главный пункт — рукопись «Обезьяны», она была признана «фашистским романом». В нем говорилось о фашизме в Европе, но легко угадывался сталинизм в СССР.

На долгих 7 лет его отправили в Тайшетский озерлаг. Обвинение было одно: «Охаивание мероприятий партии и правительства; распространение антисоветских измышлений».

«Не забыть мне проклятую зону
Эту мертвую память твою;
Эти смертью пропахшие годы,
Эту баню у белых ворот,
Где с улыбкой глядит на разводы
Поджидающий вас пулемет...»

«За годы советской власти было арестовано около двух тысяч литераторов, около полутора тысяч из них погибли в тюрьмах и лагерях, так и не дождавшись свободы. Цифры эти, конечно, не полные, уточнить их пока невозможно».

«Хотелось бы всех поименно назвать,
да отняли список и негде узнать...»

А. Ахматова)

«...мы дошли в брезентовых палатках. В бухте Находка то на земле, то на нарах, то на больничной койке я провалялся год. Умирал, умирал и не умер.

Когда выяснилось, что я уж и не умру, меня вместе с другими кащеями погрузили в товарняк, довели до крошечного лагерьчика "Средняя Белая" и сбросили. Представляете - сибирская степь, ни дерева, ни полена дров, помещение - землянка...»

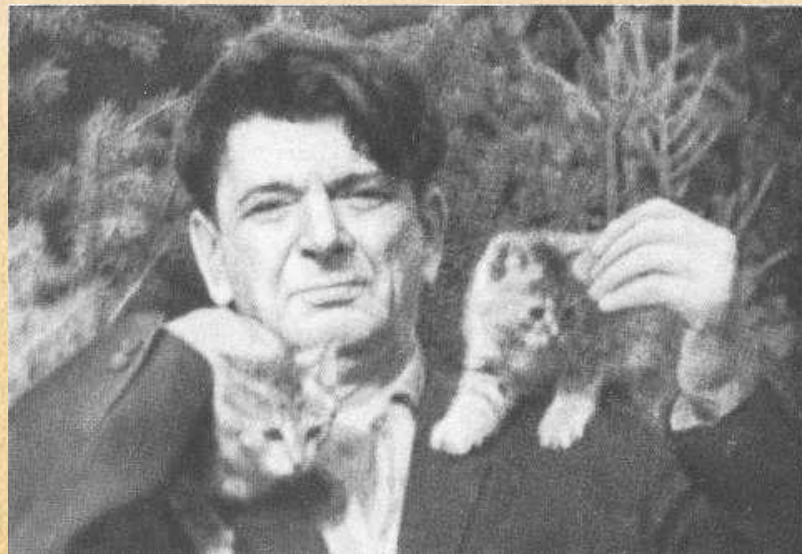
В 1955 году Домбровского освободили из лагеря, но еще несколько месяцев он оставался на поселении в поселке при станции Чуна на севере Иркутской области.

В 1956 он был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

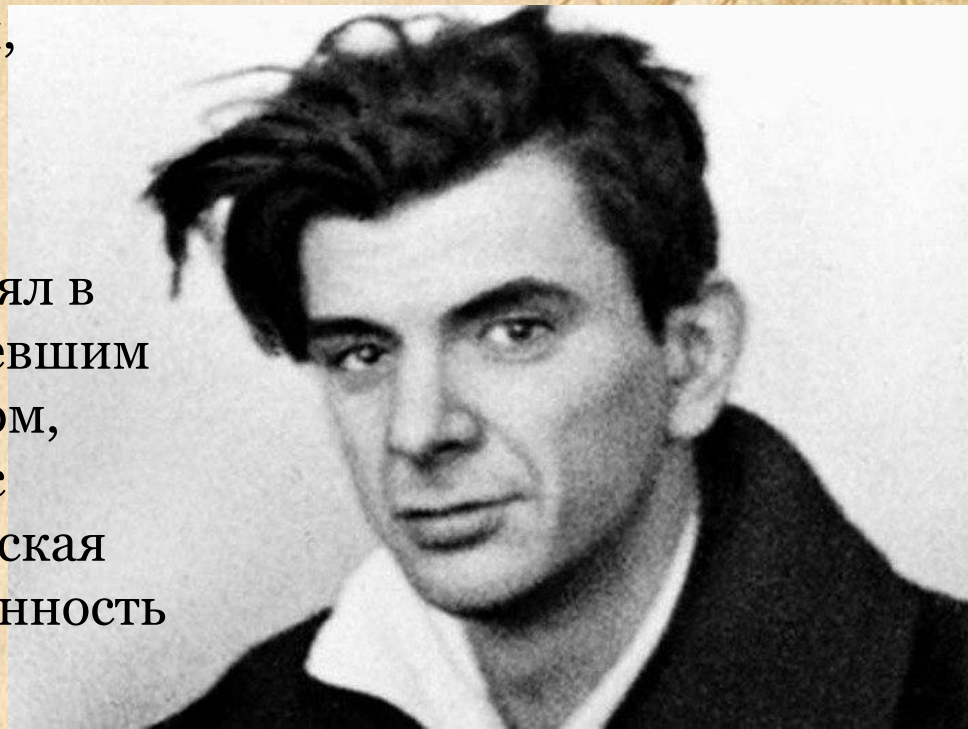
Домбровский прошел через все это, «ничего не признав и ничего не подписав».

«Помимо таланта, который дается от Бога и собственно авторской заслугой может считаться лишь в той степени, в какой автор смог не скурвиться и себя сберечь, — в людях этого редкого типа особенно привлекательно милосердие, сострадание, ненависть к бессмысленному мучительству. И «Амнистия», один из самых сострадательных, самых религиозных русских стихов, когда-либо написанных: «Как открыты им двери хрустальные в трансцендентные небеса... Как, крича, напирая и гикая, до волос в планетарной пыли, исчезает в них скорбью великая, умудренная сволочь земли»: вот этой умудренной великой сволочи он готов сострадать, а мелких шавок крушит, не особенно замечая.

Домбровский жалеет всех, — убитого в пьяной драке соседа, пьяницу, кутенка; самого его, чуя защитника, обожали звери, и даже не поддающийся дрессировке дикий кот жил у него дома, как домашний.»

«С авоськой или с раздутым таким, тертым, битым портфелем, в задрипанном пальто, со всегда расстегнутым воротом рубашки, высокий, без зубов, которые потерял в лагере, но с буйным, никак не редевшим и, кажется, даже не седевшим чубом, который всегда падал ему на лоб, с манерами, в которых демократическая такая, почти плебейская нецеремонность обхождения сочеталась с каким-то несомненным аристократизмом.

С гордой посадкой головы и лицом то ли цыганским, то ли казачьим, он был красив и значителен, как состарившийся и трепаный в битвах орел. Он был похож на орла. На первый взгляд он выглядел как человек толпы. Но стоило только на мгновение соприкоснуться с ним, как ты понимал, что перед тобой нечто необычайное, как будто сверкнул среди обтертой круглой гальки дикий, с нетронуто острыми углами алмаз.»

Валентин Непомнящий

«Для него вообще не существовало понятия начальства. Вообще у него был, в конечном счете, для всех один стиль - что для начальства любого ранга, что для последнего ханыги из пивной. И у него было много таких вот друзей, совершенно неизвестных. Он мог бы как Пушкин сказать: “Мне со всеми интересно - от царя до будочника”.

Для него они были совершенно своими людьми - и Шекспир, и Бербедж, и Перикл, и Сулла, и Понтий Пилат с первосвященником Каиафой. Исторических личностей любого масштаба, на каком бы расстоянии временном они от него не находились, он ясно видел на той же горизонтали, что и свою собственную повседневную жизнь.

Весь опыт - от барачного апокалипсиса ГУЛАГа до письменного стола в собственной квартире - из того же теста, что и мировая история с ее войнами, переворотами, переселениями народов. Это все одно.

Его фамиллярная трезвость и простота взгляда на мир и на историю наводили порой на мысль, что из него мог бы выйти незаурядный политик, если бы этому не мешали органическое благородство, прямота и отвращение ко всякой корысти, или крупный ученый, если бы он не был художником.»

«Он ничего не боялся, ничего, как мальчишка, еще не попавший под власть инстинкта самосохранения. Смеялся по-детски, захлебываясь. И не боялся не оттого, что был необыкновенно крепок, жилист и очень силен физически, а оттого, что в его натуре просто не было места для чувства субординации, то есть условной шкалы ценностей, придуманной людьми. Но зато у него было гигантское чувство иерархии ценностей, предвечной, несокрушимой, которая всегда была, изначально.

Это был редчайший в советском обществе случай твердого и полного правосознания. Только правосознание было не внешней, юридической природы, хотя в судебных и правовых делах он был дока, а той же, что и то таинственное чувство, называемое человеческим достоинством.

Самое его незнание субординации как раз выходило из этого чувства иерархии объективной, существующей на самом деле. Эта шкала ценностей, по которой существует правда и ложь, высокое и низкое, белое и черное, корысть и совесть, и что это — абсолютно, и что никто не смеет устанавливать другой порядок или делать из него исключения.»

Эта интуиция предвечного высшего порядка была не мистической и религиозной идеей, а просто таким качеством его, как человека и гражданина.

Это был человек, отсидевший 25 лет, он был и оставался всю жизнь свободным человеком или, на его любимой латыни - homo liber, где liber - и независимый, и прямодушный, и откровенный, и благородный, и свободный.»

Валентин Непомнящий

«Хранитель древностей»

«Это случилось как раз накануне дворцового переворота, когда скинули Хрущева, и новая эпоха начала вползать в нашу жизнь. И печать молчала, потому что никто не знал, что еще можно, а чего уже нельзя. Была только одна статья Игоря Золотусского в “Сибирских огнях”. И все. Зато в читательской и писательской среде было только и разговоров, что об этом неожиданном романе, повернувшем лагерную тему какой-то неожиданной стороной и написанным кем-то неожиданным и никому не известным, но произведшим эффект разорвавшейся бомбы».

«Жил в городе Верном такой художник...»

«Что за художник? — сказали искусствоведы. — Ни стиля, ни цвета, ни настроения. Просто бродил человек по степи да и заносил в свой альбом все, что ему попадалось на глаза, — казаха, казашку, казачат с луком, еще всякое...»

Николай Гаврилович Хлудов

«...его окружали горы, пески, моря, зелень, голубейшее небо, цветастая земля — и он бросил карандаш и взялся за кисть. И недаром, конечно, взялся».

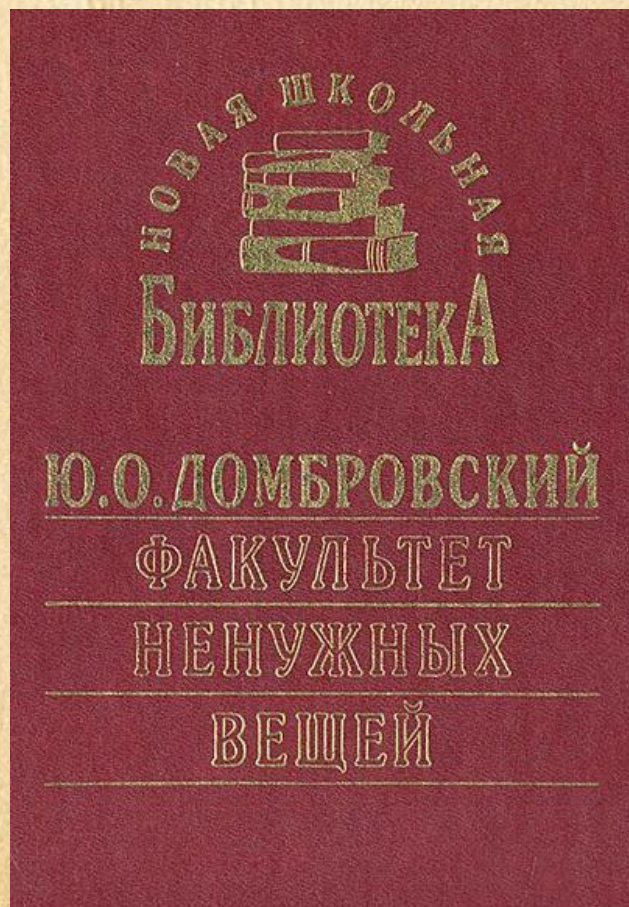

«Мир заблистал, задвигался, замерцал в его полотнах. Ведь он рисовал не только степи и горы, но и ту степень изумления и восторга, которые ощущает каждый, кто первый раз попадает в этот необычайный край. И именно поэтому каждое его полотно ликует и смеется от радости...».

«Факультет забытых вещей»

В 1964 году после успеха “Хранителя древностей” Юрий Домбровский подписал договор с журналом “Новый мир” о публикации продолжения: романа “Факультет ненужных вещей”. Эта книга вышла в 78-м году во Франции. Юрий Домбровский писал автобиографический роман без оглядки на цензуру.

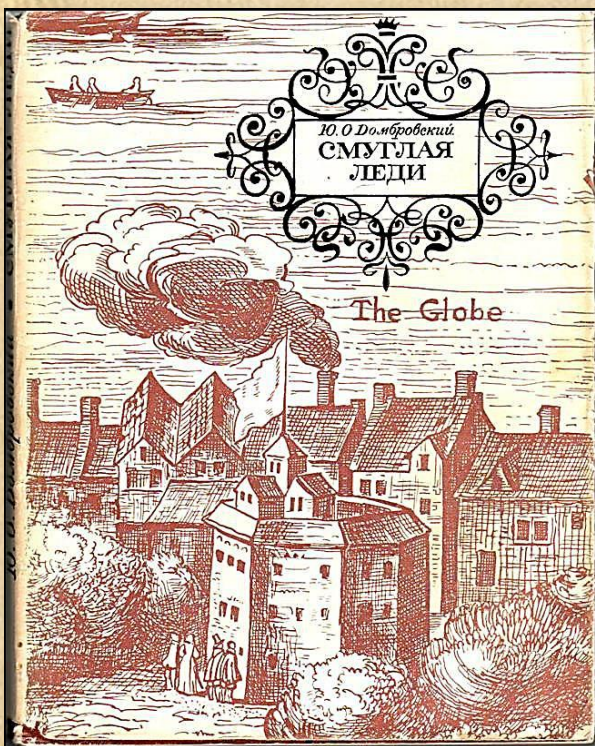
«Мне была дана жизнью неповторимая возможность - я стал одним из свидетелей величайшей трагедии нашей христианской эры. Как же я могу отойти в сторону и скрыть то, что видел, что знаю, то, что передумал? Идет суд. Я обязан выступить на нем. А об ответственности, будьте уверены, я давно уже предупрежден».

«А случилась вся эта невеселая история в лето от рождения Вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина пятьдесят восьмое, а от Рождества Христова в тысяча девятьсот тридцать седьмой недобрый, жаркий и чреватый страшным будущим год».

«Пулеметной очередью прострочило нашу историю: ЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ... И ни один человек из двухсот с лишним миллионов не уберется, не остался в стороне — все так или иначе пострадали и если не гибли физически, то жили в страхе, с контуженным сердцем, изувеченной совестью, деформированным сознанием, — никто не был вполне свободным, полноценным человеком».

«...Важно и принципиально — сила сопротивления человека государственной лжи — а это мною показано, важна потеря государственной совести, ибо время от времени она повторяется, господствует в истории. А победа над этой темной, аморфной, неразумной и, в конце концов, трусливой силой возможна даже для отдельного человека».

Ю. Домбровский

Над тремя новеллами о Шекспире Домбровский работал в 1960-е: «Смуглая леди сонетов», «Вторая по качеству кровать», «Королевский рескрипт». Новеллы Домбровского предлагают художественную гипотезу прочтения биографии Шекспира. Широко образованный писатель по-исследовательски осмысливает небогатый фактический материал и благодаря обостренной творческой интуиции разгадывает сюжеты судьбы Шекспира. Образы Шекспира, смуглой леди, Бербеджа, Анны Шекспир предстают в новеллах убедительными характерами.

«Домбровский далеко не исчерпывается штампами, налипшими на него: лагерник, эрудит, драчун, алкаш, автор замечательных автобиографических романов... Домбровский – филолог, ученик Цявловского, автор романа «Державин», редкий знаток Шекспира и русской романтической прозы. Его любимым периодом были двадцатые – сороковые годы, все николаевское царствование, которое он ненавидел, и потаенное русское сопротивление.

Публикация неизвестного романа Юрия Домбровского сродни обнародованию утраченных текстов Грина, Платонова или Бабеля. Канон Домбровского утвержден шеститомником, его главным свершением признана диалогия «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», изданы отдельной книгой его стихи, немногочисленные, но сразу занявшие в русской поэзии чрезвычайно важное место, как занимает клетку в менделеевской таблице редкий новооткрытый элемент: его не было, но должен быть. Изданы ранние романы «Державин» и «Обезьяна приходит за своим черепом» (последний тоже спасся чудом).

Через тридцать лет после смерти автора и пятьдесят – после написания, последнее ненапечатанное произведение Юрия Домбровского выходит к читателю.

«Рождение мыши», при всей сознательной пестроте фрагментов, очень дисциплинированная проза, настоящая новеллистика, с быстро развивающимся действием и крепкими сюжетами; первая повесть во многом предвосхитила похождения Штирлица – тут вам и теологические диалоги с пастором, и последние дни войны, и конспирация, и чудесные спасения, и внезапные узнавания. Все это органично и достоверно, в первую очередь благодаря замечательным диалогам.

«Рождение мыши» рассказывает о ситуации, в которой правых нет по определению: о том, как люди попытались выстроить новый мир после гигантского революционного катаклизма, и о том, как эти люди – безусловные герои, победители и новые граждане нового мира – оказались беззащитны перед вечными человеческими проблемами.

Про «роковую пустоту». Про то, что в конце концов великие революционные потрясения кончились войной, а после войны мир обречен выродиться.

«И в этом выродившемся мире надо выстраивать этику с нуля. А удастся это только тем, кто в «дивном новом мире» был изгоем, объектом насмешек, одиноким хранителем древностей.

Покажется ли вам эта книга шедевром мастера или упражнением начинающего — несомненно одно: вы от нее не оторветесь.

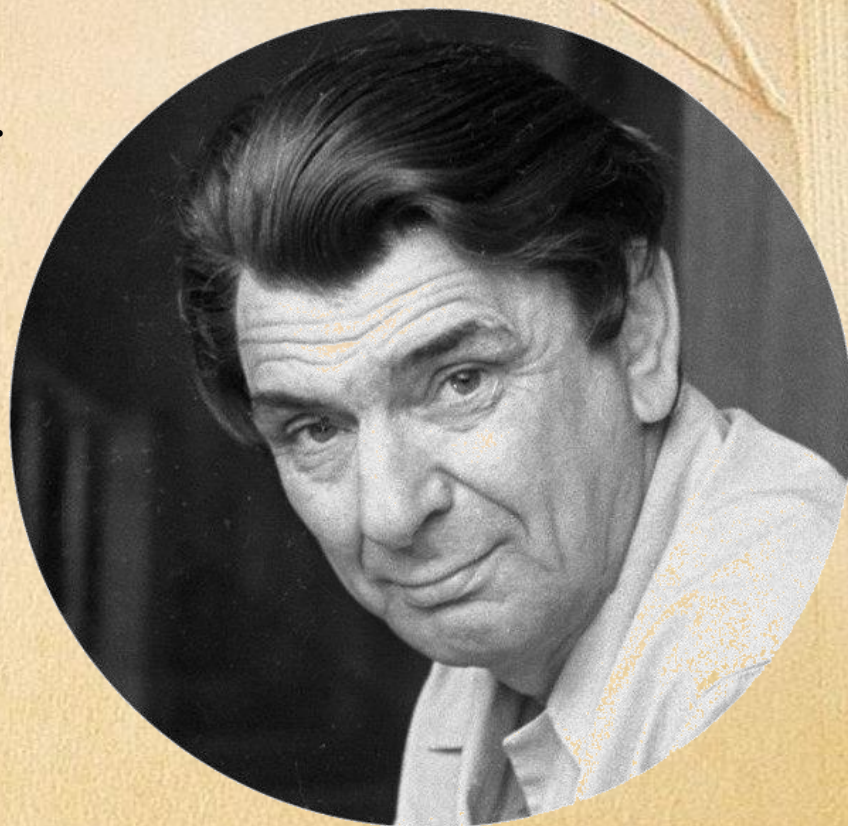
Что Домбровский умел всегда, в любом возрасте и состоянии, — так это прямо выйти на тему, начать без предисловий и мгновенно расположить читателя к себе разговорной иронической интонацией умного и бывалого собеседника.

Скажем честно: из всех книг Домбровского «Рождение мыши» — единственный потенциальный бестселлер для массовой аудитории, любящей про любовь и про разведчиков, и чтобы всюду страсти роковые вокруг неопишуемой красавицы.»

Дмитрий Быков

Мыши

«...В иных грехах такая красота,
Что человек от них светлей и выше,
Но как пройти мне в райские врата,
Когда меня одолевают мыши?
Проступочков ничтожные штришки:
Там я смолчал, там каркнул, как ворона.
И лезут в окна старые грешки,
Лихие мыши жадного Гаттона.
Не продавал я, не искал рабов,
Но мелок был, но одевал личины...
И нет уж мне спасенья от зубов,
От лапочек, от мордочек мышиных...
О нет, не львы меня в пустыне рвут:
Я смерть приму с безумием весёлым.
Мне нестерпим мышиный этот зуд
И ласковых гадёнышей уколы!
Раз я не стою милости твоей,
Рази и бей! Не подниму я взора.
Но Боже мой, казня распятием вора,
Зачем к кресту ты допустил мышей?»

«Пока это жизнь, и считаться
Приходится бедной душе
Со смертью без всяких кассаций,
С ночами в гнилом шалаше.

С дождями, с размокшей дорогой,
С ударом ружья по плечу.
И с многим, и очень со многим,
О чем и писать не хочу.

Но старясь и телом, и чувством
И весь разлетаясь, как пыль,
Я жду, что зажжется Искусством
Моя нестерпимая быль.»

Литература:

- Дмитрий Быков. Рождение горы. О романе Юрия Домбровского «Рождение мыши» // Дружба Народов № 12, 2010.
- Михаил Латышев. Юрий Домбровский. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М., "Терра", 1992.
- Валентин Непомнящий. Homo liber (Юрий Домбровский) // «Новый мир», № 5, 1991.
- Дмитрий Быков. Цыган // «Русская жизнь», 6 мая 2009.
- Евгений Евтушенко. Не хранивший себя хранитель // «Новые Известия», 24 Апреля 2009. Из антологии «Десять веков русской поэзии».